

Михаил
СЕРЕГИН

Дада

ПУТАНА

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Михаил Георгиевич Серегин

Дада

Серия «Путана»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167374
М.Серегин Дада: Эксмо; Москва; 1999
ISBN 5-04-003580-2*

Аннотация

Красивая и юная, она ждала светлой и чистой любви. Но жестокое время ставит Дашу перед выбором – убогая бедность или деньги, заработанные собственным телом. А так хочется шикарной жизни... И почему бы не принять ухаживания престарелого мафиози? Но у негослишком много смертельных врагов. И Даша, сама того не желая, становится активной участницей кровавой интриги...

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Михаил Серегин

Дада

*«Дома с рабынями, в платье пришельца узнавши,
царица*

Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:

«Странник, сначала тебя вопрошу; отвечай мне:

*Кто ты? Откуда? И платье свое от кого
получил ты?...»*

Гомер, «Одиссея»

Пролог

Вчера ЭТО случилось с ней. Она была пьяна, он тоже. Как же она могла! А какое он имел право?! Почему все девушки должны пройти через это? В школе он не обращал на нее внимания, или она просто не замечала? В пьяном бреду трудно себя контролировать. Он ласкал ее. Где-то далеко-далеко в глубине сознания мораль заставляла ее противиться. Он сильнее, да и пил не так много, как она. Почему, зачем она напилась? Хотелось показать, что не хуже других? Пили все. Почему-то его родители не пришли в одиннадцать, как он уверял. А мама не беспокоилась, знала, что детки отмечают окончание десятого класса и немного спиртного и веселья при этом – вполне допустимо.

Может быть, она и могла бы сказать: «Нет». Но просто не помнила об этом. Как же можно столько пить... Все равно было больно... Неудобный диван, неумелые движения, какое-то лизание губ вместо поцелуев. Не было любви. Он просто одолел ее. Скот!..

Тем утром она решила, что никогда больше не позволит прикоснуться к себе ни одному мужчине. Но истории было угодно сложиться иначе...

* * *

– Мама! Где мои трусы? – голос Дарьи дрожал от волнения. – Через пять минут за мной должны заехать!

Девушка металась по двухкомнатной квартире в поисках своих «фирменных беленьких», за которые отдала всю свою стипендию.

– Ты, никак, для Гришки стараешься?

Нина Ивановна показалась из кухни – руки в боки, головная косынка сбилась набок, фартук в муке.

Дочь бросила на нее бешеный взгляд.

– Мама, ты не понимаешь! Я опаздываю!

– Посмотри в комод. Если считать сверху – полка номер два. Левая!

Самая младшая из Даниловых метнулась в указанном направлении, а мать замерла в ожидании, наблюдая за голозадым чадом. Чуда не произошло, Дашка снова перепутала.

– Посмотри с другой левой стороны, – огорченно посоветовала мать. – Тебе уж два десятка лет, а ты все не выучишь, где право, где лево.

– Ма-а-а-аму, – жалобно протянула растеряха, – мне в армии не служить. – На пол летело исподнее, и, наконец, вот они. Чудо английской текстильной промышленности болталось на указательном пальце.

– Надеюсь, я тебе больше не понадобится, – устало произнесла Нина Ивановна и пошла обратно на кухню.

«Дочка уже совсем выросла, – размышляла сорокатрехлетняя расчетчица, просеивая муку. – Скоро и внуки должны пойти. Девка видная, все на месте, ни фигурой, ни мордашкой, ни умом Бог не обидел».

Очнувшись от мыслей, она увидела, что мука сыплется не в блюдо, а мимо.

«Нехорошо это», – мелькнуло в голове и сразу же забылось.

– Мама, ты не брала духи?!

– Нет!

Дарья ожидала, что раздастся очередная претензия, и не ошиблась.

– Зачем это ты добро переводишь? Сейчас в Волгу залезешь, и куда денутся твои ароматы?

– Ради кавалера я на все готова! – играючи возразила дочь, появляясь на кухне в шортах и футболке навыпуск. – Ты мне дашь чего-нибудь в дорогу? – поинтересовалась Дарья,

обильно поливая себя из единственного в доме флакона духов.

– На подоконнике пакет.

– И не лень тебе пироги ради соседки разводить?

– Езжай, езжай.

– На чем?! – взвилась Дарья. – Машины-то нету!

– Успокойся, – мать подлила в муку молока и стала замешивать тесто. – Сейчас приедут.

Поверить в то, что нынешний ее ухажер Гриша Варалов не сдержит слово, она не могла. Он был такой весь из себя интеллигентный, спокойный, уравновешенный, сынок богатых родителей. Будучи ее ровесником, он мог себе позволить новенькую «БМВ» и тем не менее никогда не тыкал в глаза своей обеспеченностью, что очень нравилось Даше.

Наконец, вот оно! Рывкнул под окном клаксон подъехавшей машины.

Дарья импульсивно кинулась к окну. Внизу у подъезда стояла какая-то «шестерка». Это не за ней.

А чего она хотела? Они и знакомы-то всего три дня. До того лишь бросали друг на друга взгляды в процессе учебы на одном потоке, не более того. Гриша пользовался успехом у дам и не чувствовал себя одиноко. У него постоянно был достаточно широкий выбор.

Дарья тоже не слишком усердствовала, резонно полагая, что мужчина должен проявлять инициативу и интерес к ней как к женщине. И вот после того, как они вместе успешно

пересдали последний на летней сессии экзамен, высокий интеллигентный Гриша предложил ей отметить это дело в кафе.

За весь роскошный, по студенческим меркам, ужин он ни разу не упомянул о постели ни в прямой, ни в косвенной форме, ни разу не прикоснулся как бы случайно к Дарье, не старался перевести разговор на чешущиеся между ног темы – в общем, вел себя весьма строго. Лишь в конце их маленького совместного праздника он позволил себе пригласить ее на турбазу института, где, по его словам, у него все было схвачено.

Она согласилась. А почему бы и нет? Хотя на то, чтобы уговорить маму, понадобится время. У нее есть как раз три дня. Должно хватить. Дочь не любила спорить с матерью и потому в большинстве случаев уступала, но когда ей действительно было что-то нужно, она могла опуститься до шантажа вплоть до объявления войны. Демонстрации подобной решимости было вполне достаточно, чтобы все доводы, выдвигаемые матерью, разбились о невиданное упрямство.

Так случилось и на сей раз. Сражение было выиграно. Правда, не сразу, но в таком деле главное победа, правда?

– Ну, что? Он? – мать вслед за дочерью выглянула в окно. – Ты ж говорила, что у него иномарка.

Невидимый с пятого этажа водитель посигналил снова.

– Если это он, так пусть подымеется, – высказалась Дарья и с обиженным видом опустила на стул.

– Могла бы вниз спуститься да посмотреть, – Нина Ивановна взирала на дочь с укором.

– Нечего мне смотреть. Он ведь меня приглашал, не я его. Да и вообще это другая машина. В институт он ездит на зеленом спортивном «БМВ», а это российская кошелка какая-то.

– Ну, ну, ну, – мать снова принялась за тесто, – ты нос-то высоко не задирай. Вокруг такого парня поди всегда девушки кружат.

– Я же за ним не бегала.

Дарья на секунду оторвалась от окна, а когда выглянула снова, никакой машины уже не было.

– Какой коз-зел!

– Дарья!

– Ничего, сама поеду. Путевка-то у меня с собой.

– Перестань злиться, может, случилось что-нибудь?

– А может, кто-нибудь? – Дарья Сергеевна Данилова одним движением чмокнула мать в щеку и схватила пакет с едой. – Я уехала. Счастливо покалякать с соседкой.

– Деньги взяла?! – крикнула Нина Ивановна вдогонку.

– Все есть. Увидимся через десять дней.

Дарья свободной рукой схватила рюкзачок с вещичками, сиротливо лежащий в коридоре, и выбежала прочь.

«Джентльмен не имеет права опаздывать, – наставляла она сама себя, спускаясь вниз. – На одном кавалере весь мир не сошелся. Мы даже не целовались».

Все было бы ничего, если не принимать во внимание

второе «я», твердившее обладательнице весьма сексуально-го и выдержанного в строгих стандартах тельца: девяно-сто-шестьдесят-девяносто, что Гриша ей очень и очень... ей даже его хочется.

* * *

Евгений Викторович Никитин торопился на сходняк. Он никогда не брал с собой много народу, справедливо полагая, что если его захотят убрать, то сделают это в любом случае. Сколько бы ни нанимал он охранников. Поэтому сейчас вместе с ним в «Мерседесе-250» с пуленепробиваемыми стеклами ехали Серега и Пашка плюс водитель Санек. Стволы были у всех, включая и самого Евгения Викторовича. Если будет засада и их встретят огнем, то скорее всего они умрут, а так – ощущаешь под мышкой тяжесть оружия и на душе чуть спокойнее, чуть азартнее.

Вообще-то в свои пятьдесят он считал себя старым пер-дуном и не скрывал этого. Подобные выезды – удел беснующейся молодежи. Но на его территорию неожиданно-негадан-но наехал какой-то херст, который стал собирать дань с его магазинов. Хамство невиданное. Пришлось поднимать свой разбухший от мясной пищи зад и разбухшее от пива пузо да ехать за город к небольшому мосту через речку Медведицу. Хотел съездить к сыну и полюбоваться появившейся неделю назад на свет внучкой, и тут на тебе. Вместо субботы выда-

лось прямо говно какое-то, по-другому и не скажешь.

– Долго еще? – шеф, недовольный тем, что дорога была неровной, срывал свое зло на водителя. Вроде бы и вопрос безобидный, но его люди знали, что если уж дядя Женя открыл рот, значит, дело дрянь.

– Пятнадцать минут, и мы на месте, – сообщил Санек чистую правду.

– Включи Высоцкого, – в машине постоянно хранилось около сотни лазерных дисков – любимый репертуар шефа, и в его присутствии никто не мог слушать что-либо другое. А Никитину нравились барды, потому что они пели «за жизнь», а не про всякое там сверкающее дерьмо.

Песня про дурдом не подняла настроения. Директор гостиницы «Северная» закурил. Ему предстояло в спокойной форме объяснить зарвавшемуся молодняку, что так дела не делаются. Нельзя прийти и сказать, что я теперь главный член. Есть определенный порядок, четко устоявшиеся правила игры.

Он уже лет десять никуда не выезжал. Все вопросы решал либо он сам, либо люди, стоящие над ним. Теперь времена изменились, молодежь не хочет слушать старших и норовит оторвать кусок чужого пирога, да побольше. Насмотрятся видео и давай трести честных граждан направо и налево, а это привлекает милицию. Приходится платить тем, кого раньше и в глаза не видел. В общем, надо поговорить. Дядя Женя сам послал приглашение и, выбрав точку на карте,

ткнул в нее пальцем. Он и не думал, что выйдет так далеко от города. Или просто дорога никуда не годится?

Они опоздали на пять минут. Рядом с въездом на мост уже стояли «Ауди» и «девятка».

«В общем-то люди приехали разговаривать, – сразу отметил для себя Никитин. – Это хорошо. И так времена пошли весьма трудные. Не хватало только разборок».

Евгений Викторович вышел из машины на травку. Было жарко. Конец июня. В средней полосе России это время не отличается особой прохладой.

Своим людям он приказал оставаться в машине. Он хотел сам посмотреть в глаза тому, кто пытается портить ему бизнес.

Из «девятки» вышел молодой человек лет тридцати – не более того, и пошел ему навстречу.

Как его и описывали, Воробок был маленького роста, худощавый, с мелкими чертами лица. Он вообще производил впечатление какого-то недоделка. Мать-природа выделила ему только половину необходимых особи соков, отдав остальное кому-то еще. Идущий навстречу Никитину недомерок прославился своими жестокими выходками и не вызвал особых симпатий. Он мог избить официантку в ресторане или запросто, ни с того ни с сего, порезать собственного водителя – не слишком лестные слухи. Неоправданная жестокость свидетельствовала о непредсказуемости и неподконтрольности этого человека.

Расстояние постепенно сокращалось. Никитин бросил взгляд за спину будущего собеседника. В кабинах машин белели рубашки. Сколько их он привез с собой? Восемь, десять человек? Все здесь или оставил кого-нибудь в городе? Надо было их всех похерить, одним махом решив всю проблему. В пять стволов это им не удастся. Впрочем, он приехал вести мирные переговоры, а не воевать.

Они встали друг против друга. Между носками начищенных до блеска ботинок и кроссовками фирмы «Рибок» осталось не более двух метров.

– Дядя Женя, зачем звал? – начал маленький ублюдок, засовывая в рот сигарету и прикуривая.

– Ты начал потрошить мои магазины, мне это не нравится, – Никитин скрестил руки над пузом и надулся.

– Я недавно вышел. Надо как-то зарабатывать на жизнь, – тон Воробка был извиняющимся, но как долго он собирался дуть в эту дуду, Никитин не знал.

– Придется платить, – сообщил Евгений Викторович, закуривая в ответ.

Слово «платить» заставило зарвавшегося жиздрика вздрогнуть.

– За что?

– Я тебе еще раз повторяю: ты обобрал мои магазины.

– Да мы всего-то взяли на две штуки.

– С учетом морального ущерба и оплаты моего времени придется вернуть пять.

Воробок залез рукой под мышку футболки с коротким рукавом и почесался.

– Все прокутили. Дашь работу – мои люди сделают.

– Сколько у тебя людей?

– Шесть. Целок нет.

– Значит, решили работать небольшим, опытным, сплоченным коллективом?

– Дядя Женья, не мурыжь меня. Откуда мне знать, где чья территория?

«Похоже, этот молоденький и не думал отнимать у меня мою вотчину». Только жизнь научила Никитина осторожности, а потому верить в столь простые умозаключения он не желал.

– Работу ищешь?

Контраст между дорогими элегантными брюками и спортивными штанишками был весьма разителен.

– Да, мы наехали на парочку завмагов. Просто хотели привлечь к себе внимание. И у нас получилось.

– На нашем рынке сейчас большое предложение, а спрос очень даже невелик. Все давно поделено. Страна уже несколько лет живет по неписаным законам. Самодеятельным актерам здесь делать нечего.

– Голодный человек – злой человек, – двинул известную истину Воробок. – Мы готовы отработать кусок хлеба.

– Меня оборванцы не интересуют. Советую убраться из города. Здесь вам житья не будет.

Тут до Евгения Викторовича дошло, что он возится с шантрапой. Если об этом узнают, его станут склонять в ресторанах, может быть, кто-то будет даже смеяться. Надо было послать парней.

Воробок, услышав вердикт одного из хозяев города, несколько сник. Вяло улыбнувшись, он развернулся и пошел прочь. Злость стала стремительно нарастать в нем. Когда он открыл дверцу машины, то еще не знал, как и на ком он сорвет свой нервный стресс.

* * *

К полудню Дарья добралась до турбазы. Первым делом разыскала домик, в котором, как обещал Гриша, будут жить только он и она. Увидев, что дверь заперта, девушка поставила на крыльцо изрядно надоевшие сумки и поспешила снять с себя пропитавшуюся потом футболку. Никто не обратил ни малейшего внимания на этот стриптиз, поскольку голого молодого тела было хоть отбавляй. Нет, грудь у нее была прикрыта, хорошо, правда, мама не видит ее бикини. Весьма, надо сказать, откровенная вещь. Темно-синие веревочки, прикрывающие сосочки. Грудки так и просятся на улицу.

Два огромных жлоба, расположившись под тенью ивы, резались в карты. Оба были намного мощнее Гриши и если учились в том же институте, что и она, то большую часть времени явно проводили не на лекциях, а в тренажерном зале.

«Надо же так раскочаться. Никто лучше медиков не знает, как принимать нужные стимуляторы».

А вот и девчонки. Приближаются к ней. Пятеро. Все загорелые. Одна из их группы, черненькая, Лизочка.

– Привет, Дарья, давно приехала? – поинтересовалась она, притормозив.

– Вот, только что, – Даша кивнула на вещи. – Ты хорошо загорела. Когда успела разделаться с сессией?

– Часть сдала досрочно. Попала в первый заезд, останусь еще и на второй.

Даша не могла похвастать крупными успехами в учебе и уж тем более никогда ничего не пыталась сдать раньше времени. Она была середнячком. Пила изредка пиво, прогуливала казавшиеся скучными лекции, трещала с девчонками по любому поводу и не очень-то стремилась выделиться.

– Тебе повезло, вода прогрелась, – не прекращала монолог коротконогая полногрудая Лизочка. – Так что ты ничего не пропустила, все веселье впереди. Ты одна?

Вопрос не в бровь, а в глаз.

– Не знаю.

– Ясно. Будет минутка, забегай в двадцать седьмой домик.

«Зад у нее шире моего раза в полтора», – решила Дарья и вытащила зеркальце, рассчитывая привести себя в порядок и отправиться за ключом и постелью к завхозу.

Осмотр начался сверху вниз. Высокий лоб – это от папы. Папа погиб в Анголе, а лоб остался. Хороший лоб, ровный.

Брови. А брови чьи? Папины или мамины? Они черные, значит, тоже папины. Глаза. Она любила свои глаза. Их можно было совсем не подкрашивать, настолько выразительны они были. Большие, зеленые, как у кошки. Чистый изумруд. Говорят, кровинка от бабушки вмешалась. Бабушка, земля ей пухом, была балериной. И своим взглядом могла либо унижить человека до крайности, либо вознести его до небес.

Прямой, чуть вздернутый носик. Он-то уж точно мамин. А вот губы ее собственные. Верхняя потоньше, нижняя потолще. Подбородочек. Вот подбородочек ей почему-то никогда не нравился. Дарье казалось, что он слишком уж острый. Хотелось бы чуточку покруглее, помягче, зато когда она сердилась, ее лицо принимало столь воинственное выражение, что самой ей становилось не по себе. Она даже репетировала злость перед зеркалом. У нее здорово получалось. Стерва – всем на загляденье, прямо как в кино.

«Женщина и должна быть стервой, хоть чуть-чуть, а иначе – что это за женщина? – вновь убеждала она сама себя. – Вот сейчас пойду и потребую ключ от домика и сделаю это весьма твердо: „Вот путевка. Дайте ключ“.

Тряхнув гривой черных, закрывающих большую часть спины волос, она взглянула на багаж. Всего ничего, но тащиться с этим от шестнадцатого домика к первому, где сидит завхоз, и обратно, дело не слишком увлекательное.

Разум победил лень, и она взяла шмотки в руки. Россия. Воруят. На данный момент весьма привлекательной частью

поклажи является пакет с мамиными блинчиками. Вон те двое здоровых хотя бы. Сидят, играют в карты на песочке, на нее поглядывают.

– Эй, – обратилась она к парням, – посмотрите за вещами, я схожу за ключом.

– С удовольствием, – отозвался тот, что крупнее. – Тем более что мы твои соседи.

Очень интересно. В кавычках.

Получив ключ и два комплекта белья, Дарья отправилась в обратный путь. Солнышко раскопегарилось вовсю, хотелось бросить все и немедленно искупаться. Вместо этого приходилось нести белье, кому его стелить – непонятно, и длинный ключ на веревочке с выжженным на пластмассовом квадрате номером «шестнадцать».

Впереди, по выложенной из бетонных плит дорожке шел какой-то парень, увешанный сумками. «Вот набрал – можно подумать, на все лето приехал».

Ей не составило труда догнать его. Неужели?!. Вот так да!

– Гриша! Ты с ума сошел! – она подлетела к нему и взяла из рук одну из сумок. Ее тут же потянуло к земле. – Давай вдвоем, – пыхтя и приостанавливаясь, предложил он.

Она взяла сумку за одну ручку, и они тронулись к домику.

– Что случилось, почему ты не приехал?

– Вчера вечером попал в аварию. Папаша весь ковер в зале слюной забрызгал. Теперь мне надолго кислород перекрыют. Отремонтировать машину встанет дороже, чем купить

новую.

– Кто виноват?

– Они, а платить все равно папе.

– Но почему?

– Потому. Извини, не дергай меня, ладно?

Оставшуюся часть пути они преодолели в полном молчании.

Вещи их остались нетронутыми. Дарья не забыла поблагодарить качков. Они не стремились разразиться изречениями, прославляющими их собственную готовность услужить еще и еще, потому как с ней уже был Гриша.

Две мускулистые машины смотрели то на нее, то на ее кавалера.

«Телка обломилась! Че ты пялишься, хилый?» – это они на Гришу так смотрят.

Из Гришиных глаз в ответ сыпались искры, вычерчивая в воздухе крупными красными буквами одно–единственное слово: «Отвали!»

Вошли в домик.

– О, тут холодильник! – воскликнула Дарья. – Но в других домиках этого нет. Телефон! Нормально!

– Слушай, давай искупаемся и поспим, – предложил Григорий, снимая с далеко не могучих плеч туристический рюкзак.

– Я думала, ты про меня забыл.

– Ничего подобного. Я зашел через пять минут после того,

как ты ушла. Твоя мать сказала мне, что ты уехала одна.

– Я не знала... Я подумала...

– Оставь, пустое, – он стянул с себя шорты и майку, оставшись в одних плавках.

«Недокормленный дог», – сразу же дала ему оценку Дарья. Впрочем, горы мускулов в мужчинах не главное.

Она не была девочкой. В прямом смысле этого слова. Первый ее партнер обошелся с ней не очень-то ласково, когда ей было еще шестнадцать. Дискотека из школы переключевала на квартиру к одному обалдую-ровеснику. Он напоил всех, в том числе и ее.

С чего ее вдруг развезло на спиртное? Ну как же – конец всей этой школьной мутате. Впереди взрослая жизнь. Теперь ей можно все – она уже взрослая. У нее законченное среднее образование, в этом году она будет поступать в институт. Десять лет! Десять лет – это же так много. Сколько она помнит себя, кроме школы или событий, прямо или косвенно связанных со школой, вспоминать нечего. Отрывочные эпизоды из детского садика, впечатления летних каникул, а остальное – школа. Здесь и горести, и радости. Она столько пережила, пока училась, а теперь все кончилось. Больше ей в школе не учиться. И что с того, если наравне с остальными она отметит это знаменательное событие. Ведь пьют все: и парни, и девушки. Вначале вроде следишь за собой. Ну там бокал шампанского за окончание, это всем понятно, затем просто за жизнь, за успех. Где-то в середине застолья ты ло-

вишь себя на мысли, что в голове приятно шумит. Теперь тебя уже ничто не останавливает, ничто не смущает.

А когда ты пьяна, тебе не так уж и тоскливо. Все вокруг призрачно, размыто, и совсем неплохо, когда тебя приглашают на медленный танец, а в комнате погашен свет.

Вот руки того, кто так часто смотрел на тебя, сидя где-то сзади, обвивают талию. Его голос шепчет про трудный тяжелый день, про погоду, и вдруг ты ощущаешь, что горячие руки его потихоньку опускаются ниже. Тебе приятно, но ты боишься и тихо требуешь от него, чтобы он прекратил. Когда он покушается на твою независимость во второй раз, как бы невзначай чмокая в щечку, хочется, чтоб мелодия прекратилась и появился повод прервать танец. Но композиция продолжает звучать, а он уже прижимает тебя к себе, и не так давно набухшие грудки трутся о его пока еще неразвитый торс.

Теперь уже ты не знаешь, отчего у тебя кружится голова и что с тобой. В этот момент наступает тишина. Он отпускает тебя на волю, оставляя за собой право пригласить снова.

Так и происходит. Снова шепот, теперь уже о любви, и вопрос о том, считает ли она себя взрослой и независимой. Конечно, она взрослая, она независимая. Ему только и надо этого. Он вновь прижимает тебя. Тут на вас налетает другая пара, и слышатся отрывистые извинения партнеров, затем все продолжается. Очень скоро его руки мнут тебе ягодицы, и как же страшно признаться, что это приятно. Он на-

ходит твои губы... И тут зажигается свет, какому-то веселящемуся придурку очень интересно, что творится сейчас на том месте, где еще недавно стоял стол.

Осмелившегося сотворить столь гнусное дело не найти. Потому что никто уже ни на кого не обращает внимания. Раздаются крики, требующие нового погружения во тьму.

Вскоре выясняется, что вся кассета от начала и до конца забита какими-то балладами на английском. Это дает возможность партнеру, который выбрал тебя из множества других, обшупать тебя. Правда, ощущение крепких плеч и спины доставляет тебе несказанное удовольствие только лишь потому, что ты делаешь это – обнимаешься с парнем.

Потом гости начинают изъявлять желание уйти, кто-то отправляется гулять на всю ночь, кому-то просто надо домой. Одноклассники один за другим хлопают дверьми, и вскоре ты неожиданно понимаешь, что остаешься наедине с ним.

– Мне тоже надо идти.

– Давай посидим.

Ты мнешься, не зная, как тебе быть. Мама дома не ждет. Она уверена, что застолье затянется до утра. От невозможности позволить себе быть с ним тебя трясет. Но почему нельзя? Просто – нельзя.

Он целует. Тебе нравится, и невозможно устоять перед тем, чтоб не ответить ему взаимностью. И как только он чувствует это, его руки начинают расстегивать блузку.

– Нет, я не буду.

Но, кажется, он ничего уже не слышит. Да и ты настолько пьяна, что плохо соображаешь.

– Пойдем посидим.

Он приглашает только посидеть, от этого еще никто не умирал и дети не рождаются. Ты идешь. Тебе уже хочется целоваться и прижиматься. Он такой славный.

Вы садитесь на диван, и тут он мягко кладет тебя на спину, придавливая сверху. Битва проиграна. Птичка поймана. Сколько ни бейся – ничего не выйдет. Прутья у клетки толсты и прочны, но не в том беда, а в том, что на полу стоит поилка и в ней не вода, а сок плотской любви. Его аромат отнимает силы и не позволяет бить его изо всех сил.

Вот уже и грудь заголена, а это же стыд. Но он не успокаивается и идет дальше, дальше, судорожно избавляя тебя от одежды, а затем и от девственности...

Он очень плохо сделал все это, чем отбил у нее желание очень надолго. Теперь в ней что-то просыпалось снова. Ей хотелось нежности. Гриша не был грубым, она это видела, может быть, он не слишком ценил ее, но и не относился к ней как к очередной девице. Дарья была уверена, что у Гриши было уже много подружек. У него есть деньги, шмотки, богатые друзья, он уже пожимал руки нескольким заместителям нескольких губернаторов. Может, все и неправда, но об этом трепались все девчонки на факультете. И даже кто-то где-то видел его фотографию в газете, только по какому случаю, никто толком так и не знал.

Воробок сидел на бордюре рядом с застывшей около него «девяткой». Мимо нескончаемым потоком неслись машины. Центр города. Бывший проспект Ленина, теперь улица Московская.

Ему был уже тридцать один год. Пять лет из них пришлось провести на зоне. Ему было жалко потерянного времени. Как много он смог бы сделать за эти шестьдесят месяцев. Каждую ночь, засыпая там, он мечтал о возвращении на свободу, о том, как потекут к нему в карман деньги, как будет покупать машины, шикарных длинноногих женщин, о том, как будет ездить по миру. Была у него мечта заполучить «Роллекс» стоимостью в десять тысяч долларов, и неважно, что для этого придется сделать. Ему очень хотелось иметь часы, остальное неважно.

Наезд на магазины привел к тому, что ему сразу же намекнули на небезопасность подобных выходов. Тем не менее небольшой кусок его бригада оторвала, что дальше? Убраться из города? Его мозг начал поиск обходных вариантов. Дуром не пропрешь. Он сел за то, что под ножом заставил директора ресторана выложить всю выручку за вечер. Тот задергался, пришлось полоснуть по роже. Нечего было трепыхаться, ему ж не нужна была его сытая харя, только немного денег на пропитание, ну и кое-какие шмотки. Вот и все.

И за это пять лет. Кто-то говорил, что он легко отделался. Воробок не верил. После того как он сколотил бригаду, на него легла забота обо всех своих подельщиках. Вон они сидят в тачках, смеются. А он чуть не обосрался сегодня, когда этот Женя вылез из своего членовоза. Ему казалось, что сейчас их машины расстреляют из гранатометов и на этом шибздец всей команде. Однако Женя оказался интеллигентом. Мараться не захотел. Поэтому он и выбрал его территорию, говорили, корректный гангстер, иху мать. Слова из себя щипцами вытягивает, будто говорить ему тяжело. Что же делать-то? А где живет этот Женя? Где вообще живут состоятельные граждане?

Воробок встал во весь свой незначительный рост и уселся в «Ауди» на место водителя.

– Куда? – поинтересовался беззубый Гендос, передвигаясь на соседнее сиденье.

– Гулять. Понял, толстожопый?!

Он посмотрел в зеркало, висевшее на лобовом стекле салона, и увидел там харю Нюни. Сорок восемь лет. Из них отсидел за мокруху пятнадцать лет. Мозгов нет вообще. Неизвестно зачем вообще существует на свете.

– Че смотришь, Нюня? Денег хочешь?

– Ага, – проямлило покрытое язвами лицо. Мясистые губы растянулись в слюнявой улыбке.

– Тогда поехали возьмем.

Время шестой час вечера. Погода прекрасная. Жара спала. Светило движется к черте горизонта.

Дом стоит на вершине холма. С балкона вид на реку. Умиротворяющая, спокойная картина. Вон там, за тем островом, что слева, бьют чайки. Видать, жерех гуляет, может, окунь.

Петр Аркадьевич взял сотовый телефон.

– Это я... Подготовь лодку к восьми вечера. Поедем на рыбалку.

Рыбаком Петр Сакурцев был никаким, но тяга к процессу имелась. Почему бы не прогуляться? В конце концов, разве не для этого он строил здесь дом?

Приближалось время ужина. Спустившись из спальни на первый этаж, президент строительной компании «Комфорт-92» прошел в кухню и открыл холодильник. Хотелось мяса. Жена уехала в пансионат, и слава богу. Он не стеснялся признаваться самому себе, что устал от своей благоверной, и теперь мог провести несколько дней в полном одиночестве, если не считать Егорыча – шестидесятилетнего пенсионера, которого он нанял на работу в качестве партнера по рыбалке и проводника. Вопрос денег между ними не стоял. Сакурцев выделял на припасы, экипировку, горючее для мотора и для внутреннего употребления. Так и жили. Егорыч готовил технику, Сакурцев обеспечивал финан-

совую поддержку.

В последний раз, впрочем как и во все предыдущие, Петру Аркадьевичу не повезло. Он жаждал реванша. Всякий раз ему казалось, что именно сегодня он обставит пенсионера Егорыча и принесет домой полпуда рыбы, а то и больше. Но, как правило, по целому пуду носил к себе домой его партнер, он же в основном потреблял горькую, после чего сухой, жилистый Егорыч буквально затаскивал его на себе в горку, укладывая баиньки прямо в коридоре на диванчике.

К воротам дома подъехала «Ауди». Через окна в кухне Сакурцев увидел незваных гостей. Он не знал ни одного человека, кто имел в пользовании «Ауди-100» цвета «мурена».

Засунув в микроволновку для разморозки задубевшую в холодильнике гусятину, Петр Аркадьевич поспешил к шкафчику в коридоре. Из машины вылезли очень подозрительные мужики. Базара ему не избежать, это он понимал, но Петр Аркадьевич считал себя опытным собеседником и поспешил достать козыри – двухстволку двенадцатого калибра. Была мысль позвонить охране, но мужики уже терзали звонок, прилаженный на ворота.

Сакурцев открыл дверь и высунулся на крыльцо. Забор – железная решетка, вмурованная в бетонное основание, – позволял видеть непрошенных гостей. Впрочем, и они могли видеть хозяина.

– Извините, вы не можете? – начал какой-то недомерок, вращая на пальце связку ключей. – Вода на нуле. Часа четыре

пилили.

Сакурцев замешкался. Вид у путешественников был явно недружелюбный. Он знал, что такие топчут землю, он даже встречался с ними несколько раз. Но эти были ему незнакомы.

– Поехали искупаться, и, думаю, не доедем, – продолжал попрошайка.

И только тут Сакурцев понял нелепость ситуации. Хрен он им откроет.

– Мужики! – начал он твердо, обращаясь к недомерку и стоящему рядом с ним жирному борову. – Река в двухстах метрах!

– У меня же иномарка, не буду же я головастиков в радиатор запускать.

– Сходите до деревни, – Петр Аркадьевич махнул рукой в сторону частных домов, неровными рядами выстроившихся вдоль реки всего в какой-то сотне метров. – Ближайшая колонка всего в двух шагах.

Воробок собрал волю в кулак и успокаивал себя, бормоча под нос:

– Не сейчас, не сейчас. Еще немного.

– О-уммм! – издал тихий стон Сакурцев.

Нюня стоял за его спиной, держа в руке нож с тонким лезвием. Сталь не меньше чем на сантиметр вошла в жировую прослойку на поясице.

– Кинь дробовик, – Нюня схватил хозяина дома за волосы.

От испуга Сакурцев чуть не наложил в штаны.

– Что вы хотите? – ружье само вывалилось у него из рук.

– Иди и открой дверь гостям, невежливый капиталист, –

Нюня вытолкнул его на улицу.

Увидев, что дело сделано, Воробок посмотрел по сторонам. Никого. Сейчас этот черноволосый очкастый владелец трехэтажного особняка откроет ворота, и начнется сладкая жизнь.

Гендос стоял и улыбался одними деснами.

– Закрой отверстие, – вождь отвесил толстяку саечку, – нечего раззявливаться. Бери ключи и загони машину во двор.

Его люди подошли к дому с противоположной стороны и, пока он занимал хозяина, проникли внутрь. Они молодцы, они одна бригада, одна команда.

– Вы зря это затеяли, – проямлил Сакурцев, отпирая дверь.

– Сидя на пере, еще и поешь, молодец, – похвалил Воробок, входя во двор и хлопая по плечу хозяина, да так, что лезвие ножа вошло в тело еще глубже.

Петр Аркадьевич завизжал.

– А-а-а-а.

– Оставь его.

Воробок оттолкнул Нюню и зажал шею хозяина между плечом и предплечьем.

– Будьте любезны, покажите нам свои апартаменты, – он

вел его рядом с собой, продолжая сдавливать шею.

Сакурцев не знал, как он еще не наложил в штаны от страха. Это чистой воды бандитизм. Ворваться в чужой дом.

– Вы не знаете, кто я, – прохрипел он.

– А мне насрать, доложу я вам, – признался Воробок.

Вся банда – семь человек, – запарковав машины, вошла в дом.

– Как ты роскошно живешь, мужик. Наверное, много народу ограбил, – Воробок вошел из прихожей в кухню вслед за своими людьми. – Вся техника фирмы «Бош».

Сакурцева посадили на стул в кухне и стали привязывать к спинке.

– Я строитель, – тихо сообщил он. Кровь тонкой струйкой вытекала из раны, пачкая одежду.

– Кто?! – Воробок подскочил к нему. – Ты говнюк, честные люди живут в одноэтажных хибарках, у тебя же здесь дворец.

– У меня кровь не останавливается.

– Не ной. Нюня, вяжи крепче. Бабы в доме есть?

– Нет, – только сейчас Петр Аркадьевич осознал, что его жене ничто не угрожает. Он вообще плохо соображал. – Я лично знаком с губернатором.

Угроза никаким образом не подействовала на преступников.

– А я с Гендосом, – тупо пошутил Воробок. – Слушай, Гендос, я с тобой знаком?

– Очень близко, – толстяк уже достал оливки и вскрывал банку первым попавшимся под руку ножом.

– Неужели у тебя здесь нет молоденькой служанки, которую ты жаришь время от времени, причем совсем не стесняясь жены?

Воробок зашел к Сакурцеву за спину. Увидав обручальное кольцо, он заглянул пленнику в глаза.

– Так ты на самом деле состоишь в законном браке. Где жена? Почему мои люди никого не нашли?

– Она уехала отдыхать к морю. – До этого момента его не били по лицу. Небольшой кулачок врезался в скулу.

– Мы тоже поедem к морю. Ты ждешь кого-нибудь? К тебе должен кто-то приехать?

– Нет, – соврал Петр Аркадьевич, втайне надеясь на то, что останется в живых еще, по крайней мере, несколько часов. Егорыч должен заподозрить неладное. Он же никогда не принимал гостей у себя в загородном доме. Здесь он только отдыхал, проводил время с красавицей женой, которая была на пятнадцать лет моложе, и не думал ни о чем, кроме хорошего полноценного отдыха.

– Если ты не врешь, то у нас есть время, чтобы пожить здесь день-другой, – он стал гладить Сакурцева по голове, – заставить тебя позвонить в город и приказать какому-нибудь мальчику снять со всех твоих счетов денежки и привезти их сюда. Не так ли?

– Вам нужны деньги?

– И женщины.

Предвкушая трах, Нюня заулюлюкал, остальные зааплодировали.

– Пойдем задерем какую-нибудь козочку, – предложил Гендос, проталкивая внутрь ломоть красной рыбы.

Воробок перестал поглаживать Петра Аркадьевича. Подлетев к толстому, он дал ему сильнейшего пинка.

– Ты че рот разеваешь, сало?

Гендос смутился и, показав десны, забился в угол.

– Если у нас будут деньги, у нас будут и женщины, – главарь снова вернулся к жертве. – Деньги у этого «строителя».

Господа! Я предлагаю его немного потрясти.

Никто, кроме Сакурцева, не возражал.

* * *

– Где вы будете? – Евгений Викторович отпускал ребят.

– Поедем в Чардым, купаться, – Санек закончил протирать стекла «Мерседеса».

– Только ведите себя нормально, – Никитин скептически оглядел троицу. – Пацаны, помяните мое слово. Если набедокурите, будете целый год работать на меня за спасибо.

– Мы даже спиртное не берем, – Пашка был явно обижен тем, что шеф, стоя уже на пороге своего особняка, не отпускает их и наставляет, словно маленьких детей.

– Ладно, нечего хныкать. Только смотрите, с машиной по-

аккуратнее.

– Без проблем. – Санек уже сел за руль.

Сергея с Пашкой упали на заднее сиденье. Охранник пошел к воротам, а босс скрылся за дубовыми дверями огромного коттеджа.

– Целый день на нервах, – пожаловался плечистый Сергей, задирая рукав рубашки и выставляя напоказ раскоченную руку. – Поехали снимем какую-нибудь девочку. – Паша копался в компакт-дисках, выискивая что-нибудь повеселее. – Что-то у шефа репертуар слабоват, – пожаловался он.

– Перестань, сейчас приедем, опустим шары в воду и будем тихонько попивать пиво и кушать шашлыки, – двинул мысль Санек.

– У нас же нет мяса, – Сергей продолжал осматривать собственные мускулы.

– Заедем на рынок.

Жрать хотелось всем. Шеф, скотина, измотал всех. То на разборки, то в кабак, то на территорию... Достал просто.

* * *

– Поехали кататься? – Гриша улегся на одеяло рядом с Дарьей. – Я лодку подогнал.

Девушка была очень даже за.

– Поехали, я уже устала бездельничать.

Гриша действительно оказался заботливым кавалером и, несмотря на отсутствие машины, приволок на себе несколько бутылок кока-колы и спрайта, кроме того, он прикупил консервированных ананасов, чипсов и сгущенки. Жизнь была маленьким раем. Она ждала от него действий, и вот, кажется, мужчина решил взять быка за рога. Она уже не раз украдкой оценивала мужские стати, которые скрывали плавки, и ее собственное воображение не давало ей покоя. Высокий, стройный и, кажется, не обижен природой.

Она помогла ему свернуть одеяло, после чего кавалер отнес его в домик. Минута, и они уже на воде. Самый видный парень на факультете катает ее на лодке, да еще и гребет против течения.

– Куда мы поплывем? – поинтересовалась она, накидывая на спину полотенце.

– Прямо по курсу – несколько небольших островков, – скороговоркой сообщил он цель путешествия.

– А дальше? – не унималась она.

– Будем купаться. Я туда хожу не в первый раз. Там есть небольшая отмель, которая хорошо прогревается. Вода очень теплая.

– Ты уже возил туда кого-нибудь? – Он уловил в ее голосе ревность.

– Да, – он улыбнулся, продолжая работать веслами, – двоюродного брата, в прошлом году, в августе, мы ловили там малька.

Дарья чуть смутилась.

– Я очень любопытная.

– Я тоже.

Они плыли по реке около получаса и наконец добрались до места. Вскоре лодка вышла в протоку.

– Как здесь здорово, – Дарья крутила головой по сторонам, бросая взгляд то на сплошной стеной стоящий лес, разросшийся на островах, то на прозрачную воду, в толще которой мерцали зеленые и темно-красные водоросли.

– Впереди, за поворотом, есть небольшой пляжик. У нас до захода солнца еще часа четыре.

Он нравился Даше все больше.

Григорий был прав. Действительно, небольшая полоска песка у самого берега манила к себе.

– Здесь гуляет ветерок, поэтому комара должно быть немного.

Она согласилась с ним.

– У тебя красивый купальник.

– Спасибо.

– А фигура просто потрясающая.

Дарья не знала, что сказать. Если мужчина хочет говорить комплименты, зачем его останавливать или перебивать.

– Такое впечатление, что с каждым часом пребывания на природе ты наполняешься соком. Твоя грудь наливается, бедра становятся тверже.

– Бесстыдник, – она рассмеялась и плеснула в него водой.

Лодка медленно причалила. Он спрыгнул и втащил нос на берег.

– Приехали, можете вылезать.

Девушка неуклюже поднялась. Суденышко качнулось.

– Ой, мама!

– Запомни правило, – подсказал он, – садиться в лодку и выходить из нее надо точно посередине.

Последовав инструкции, она кое-как выбралась на берег.

– В последний раз я каталась...

Он не дал ей договорить и, обняв, поцеловал в губы.

Дарья ждала этого и не стала сопротивляться. Пока он ничего не делал против ее воли.

Сильные руки обвили тело и мгновенно проникли под откровенные плапочки купальника, слегка сжав ягодицы.

Она почувствовала, как его орган наливается кровью и твердеет. Инстинктивно подала таз назад, но он привлек ее снова.

Оторвав свои губы от ее губ, он посмотрел ей в глаза.

– Я не вижу и тени протеста.

– Знаешь, в первый раз это получилось у меня не очень...

– Вся жизнь впереди, дурочка, научишься.

– Неужели ты опытный учитель? – она несколько отодвинула его от себя. Эта штука уже налилась и теперь тычется ей в живот. Даже смешно немного.

– Первый класс я уже закончил, – уверенно сообщил Григорий, снова привлекая ее к себе.

– Может, погуляем? – слегка пожав плечами, поинтересовалась она.

– А мы и так гуляем, – напомнил он, поглаживая ее спину. – Постой... – он отпустил ее, подошел к лодке, достал из нее большое полотенце и расстелил на песке.

– Прямо здесь? – она отступила к воде.

Не утруждаясь объяснениями, кавалер подошел к даме и освободил ее от купального костюма.

– Они у тебя как большие яблочки.

Не стесняясь, Гриша снял с себя плавки.

Она не стала делать ему комплиментов по поводу того орудия, которое предстало перед ней, просто язык отсох.

Все закончилось несколько раньше, чем ей хотелось.

«Ничего, вся жизнь впереди», – подумала она.

– Тебе понравилось? – он озабоченно взглянул на нее.

– Поверь, мне не с чем пока сравнивать. В шестнадцать лет меня взял мой ровесник, признаться, я была пьяна, но он просто порвал меня, и все. Ты действительно мужчина – нежный, добрый.

Гриша просиял и наградил Дарью долгим поцелуем.

– Пойдем купаться?

Он выпустил ее из-под себя и доставил себе наслаждение, созерцая длинные волосы, узкую талию и необыкновенно пропорциональные ноги.

Совершенство. Как он не замечал ее раньше, ходит по институту тихая, скромная. Или он ничего не знает о ней? На-

ивно полагать, что такая красавица в двадцать лет будет девственницей.

* * *

– Ну, наконец, – Паша поспешил открыть дверцу, когда «Мерседес» остановился.

– Саня, сообрази костер, – по негласно установленным правилам, Паша с Саней находились под Серегой. Он был личным телохранителем шефа. Кроме того, его физические данные позволяли диктовать условия всем и каждому, не опасаясь, что в ответ раздадутся возмущения или протесты.

Дорога с крутого берега к воде была очень прихотлива и требовала от водителя повышенного внимания и незаурядного мастерства, но Сане все было нипочем. Они не раз отдыхали здесь после «жарких» деньков в городе, вот и сегодня приехали снова.

Небольшая рощица закрывает вид на реку, но стоит только пройти сквозь нее, и сразу попадаешь на усталый речным песком берег. Хорошее, тихое место.

Пока Паша с Саней разделявали мясо, Сергей насобирав дровишек и, не мучая себя розжигом, плеснул бензина из десятилитрового неприкосновенного запаса на кучу веток, после чего кинул туда горящую спичку. Огонь вспыхнул и очень быстро принял за сухое дерево.

Для шашлыка нужны угли, а значит, есть время для бесе-

ды и для того, чтобы приготовить стол – разостлать небольшое сиреневое одеяло подле очага и выложить на него сырые яйца, зелень, колбасу, горчицу, кетчуп, пеклеванный хлеб, воблу. Бутылки с пивом надо поставить в воду, пусть отойдут от тридцатиградусной жары.

У парней слюни текли от нетерпения. Они шевелились, словно пчелы, готовя ужин. Еще немного, и они набросятся на прожарившееся мясо.

* * *

– Давай, прораб, звони в город, – Воробок похлопал Сакурцева по плечу, – пусть кто-нибудь завтра утром снимет все деньги, какие у тебя есть, и привезет их сюда. И без фокусов.

Чем больше наблюдал Петр Аркадьевич за налетчиками, тем больше убеждал себя в том, что перед ним полные идиоты. Они обожрали его и выхлестали все вино, валяются в одежде на кроватях, где он любил заниматься любовью с женой. Хорошо, что ее нет здесь. Нашла там, наверное, себе какого-нибудь мальчика. Пусть веселится. Только заразу в дом тащить не надо. Он не был строг к ней. Главное, что она стройна и красива и мотается с ним на все встречи на зависть таким, как и он же, мужикам.

– Мой сотовый лежит в гостиной на втором этаже.

Повинуясь кивку главаря, Нюня, пыхтя, удалился с кухни.

Воробок критически осмотрел войско.

– Хватит потреблять спиртное, господа сраные. Наступает время великих свершений. – Он схватил бизнесмена за шиворот. – Сколько у тебя денег? Нет, подожди, давай мне суммы в баксах. Я люблю баксы. Десять тысяч есть, или двадцать?

– У меня на счетах сто шестьдесят восемь тысяч долларов.

Возня и чавканье, не прекращавшиеся на кухне вот уже полтора часа, сменила тишина. Слышно было, как пощелкивают старинные часы в коридоре.

Сакурцев не соврал. Он назвал ровно столько, сколько имел. Он наслаждался наступившим коллапсом. Наконец до них дошло, на кого они нарвались.

– Под честное слово я могу привлечь еще столько же.

Он рассчитывал этой фразой добить засранцев, но вышло наоборот.

– Ты решил показать, насколько круто замешан? – Воробок очнулся, но сумма в триста пятьдесят тысяч прочно засела в его голове. Это реальный шанс кончить побираться. Правда, была одна проблема: за десятую часть этой суммы их всех могли отправить на тот свет ребята, которые были намного крепче его коды.

Никто, кроме шефа, не спешил просыпаться. Каждый стал лихорадочно высчитывать свою долю, начиная от всем поровну до того, что половина достанется предводителю.

– Че случилось? – поинтересовался Нюня, появившись в

кухне с аппаратом в лапе.

– Дай ему телефон, – почти прошептал Воробок, – пусть звонит. – Взяв со стола перепачканный в сливочном масле нож, главарь банды повертел им перед зрачком хозяина дома. – Если сделаешь все плохо, я отрублю тебе руку.

– Я отдам деньги, – покорно сообщил Сакурцев, – только не убивайте и не мучайте меня.

– Кому ты будешь звонить?

– Это мой секретарь.

– Женщина? – огонь сверкнул в глазах вождя.

– Нет, мужчина.

– Ты педик?!

Петр Аркадьевич замотал головой.

– Он очень хороший секретарь.

– Я послушаю, – Воробок прислонился своей щекой к лицу Сакурцева. – Нюня, набирай номер.

* * *

– «...После того как иракские власти передали документы инспекторам ООН, экономические санкции против Ирака будут отменены. Это заявление сделал...»

Никитин взял телефон, услышал привычное:

– Это я...

– Узнаю, Петр Аркадьевич.

Никитин постоянно доил строителя. Заканчивался месяц,

и от Сакурцева должны были поступить средства.

– Евгений Викторович, съезди прямо сейчас к моему банкиру и забери все деньги. Наличными. Я по телефону дам подтверждение. Привези все ко мне в дом на Волге.

Вначале Никитину не понравился тон, которым говорил с ним бизнесмен, но когда до него дошло, о чем его просят, он задумался на мгновение. С чего бы это Сакуре понадобилось снимать все добро?

– Очень срочно, Аркадий Петрович? – тоном вассала поинтересовался Никитин.

– Дело разъезжается по швам. Мне надо срочно успокоить кредитора.

Это была полная чушь. Весь Саратов знал, что Петр Аркадьевич никогда ни у кого не берет займы, только разве у государства, а с этой организацией расплачиваться вовремя не обязательно.

Неужели на него осмелились наехать? Кому же это он насолил, интересно?

– Сейчас уже поздно, думаю, закончим завтра к десяти.

– Мне надо еще, найди Никитина и попроси сто шестьдесят восемь тысяч, думаю, он не откажет.

– Хорошо, – Евгений Викторович пытался следить за тем, что говорит. Похоже, на его постоянный источник материальных благ кто-то наехал и слушает сейчас весь этот треп. Говорить самому Никитину, чтобы нашел Никитина?

Это был звонок своей крыше и просьба о помощи.

– Завтра в десять утра я привезу деньги, – пообещал мафиози.

С кем ему придется иметь дело, он пока понятия не имел. На всякий случай надо обзвонить всех коллег по бизнесу, если это кто-то из своих – будут проблемы.

Плотно сжав губы, Никитин поднялся с кресла и пошел к себе в кабинет. Он не хотел, чтобы кто-нибудь из домашних слышал хоть слово из того, что ему придется произнести.

* * *

– Что-то у тебя больно легко все получается? – Воробок взял пленника за подбородок. – Неужели ты так просто расстанешься со всеми своими деньгами, да еще и для нас займешь?

– Перебинтуйте меня, – тихо произнес Сакурцев, – из раны, кажется, все еще течет кровь.

– Не надо, – предводитель погрозил пальцем. – Здесь нет девушек. Придется терпеть. Сам напросился. Надо помогать людям, когда они тебя об этом просят, а ты то про реку, то про колодец. У тебя самого нет ни капли сострадания к другим, почему мы должны оберегать тебя от легких уколов судьбы?

– Я же практически уже отдал вам все.

– Кровь не идет, – сообщил результаты осмотра Гендос. – Из него вытекло с полстакана. Не подойдет.

– Я хочу женщину, – пожаловался на судьбу Нюня.

– Заткнись! – взвился босс. – К нам плывут большие деньги. Ты сможешь купить себе хоть китайку, хоть негритянку, поставишь ее раком и будешь иметь в день по двадцать раз кряду.

Картина, нарисованная вождем, была столь живописна и соблазнительна, что Нюня поспешил признаться, что у него эрекция.

– К нам гость, – доложил стоявший на стреме косоглазый хлопчик лет семнадцати, обладавший звонким погонялом Задок.

– Это Егорыч, не трогайте его. Мы на рыбалку собирались. Раздался звонок.

– Сейчас мы с тобой прогуляемся на улицу. Ты очень вежливо отводишь его отсюда...

«Егорыч не оправдал надежд. Почему ему не показалось странным, что у меня гости. Здесь же никого никогда не было. Машины же этих полудурков видно».

– ...Ты сознательно нам наврал. Тебя же спрашивали, придет кто-нибудь или нет.

– Вы напугали меня, вылетело из головы, – стал оправдываться Сакурцев и тут же получил под дых.

– Молчи и слушай. Ты сейчас отправишь его отсюда, и не вздумай брыкаться. Нюня, дай ствол.

Егорыч стоял у ворот, посасывая сигаретку. Лодку он подогнал и оставил у берега прямо напротив коттеджа. У него

самого руки чесались порыбачить, а тут что-то Петр Аркадьевич задерживается, обычно стоит на берегу, ждет.

Когда Сакурцев вышел из дома вместе с каким-то коротышкой, Егорыч почувствовал, как сердце его учащенно забилось. Маленький, идущий чуть сзади, контролировал перемещение хозяина дома. Находясь неестественно близко к Петру Аркадьевичу, он держал одну руку так, что невозможно было разглядеть, что зажато у него в ладони. Выражение лица Сакурцева нельзя было назвать исполненным оптимизма.

Справившись с естественным страхом, рыбак встал полубоком к приближающейся парочке и вынул нож. Кроме как для чистки рыбы, он ни для чего и не использовался, во всяком случае пока.

– Привет, Егорыч, – бизнесмен постарался придать фразе свежесть, но получилось скучновато.

– Здравствуйте, Петр Аркадьевич. Нездоровится?

Воробок наклонил голову в знак приветствия, не подозревая, что Егорыч уже заметил край растекшегося кровавого пятна.

– Что-то хвори меня замучили. Останусь дома. Вот, – он кивнул назад на бандита, – буду лечиться с товарищами.

– Жаль, погода-то, а?

– Егорыч, ты иди. На следующей неделе съездим. Очень уж я болен. Рыбак мельком прошелся взглядом по окнам. «Сколько их? Двое? Трое? Или пятеро? Самое безопасное –

уйти подальше и вызвать милицию».

Воробок не спускал глаз с седобородого, усатого мужика и в один прекрасный момент почувствовал, что дядя просек ситуацию. Больно уж он закрепощен. Язык не ворочается.

– А вы заходите, посидим, выпьем, – пригласил он, сдавливая рану на спине у Сакурцева.

– Вообще-то я рыбачить собирался, – на мгновение Егорычу показалось, что страхи его напрасны. Мужики, видать, уже поддали и его угостить не прочь. Вот и ворота уже открывают. Сам Петр Аркадьевич их отворяет.

– Хватит нам через решетки общаться, – хозяин дома побледнел еще больше. Преодолевая боль, он продолжал играть роль беззаботного бизнесмена.

Егорыч вошел полубоком, одним движением пряча оружие в широкий рукав штормовки, надетой на голое тело.

Хозяин дома вместе с «гостем» отошли в сторону, пропуская его.

– Проходите в дом, – вежливо предложил Воробок, продолжая тыкать в спину Сакурцева.

Егорыч окончательно растерялся. Все страхи куда-то делись. Только когда вид кровавого пятна, расплывшегося по спине и залезшего на бок, всплыл в сознании, он одумался. Зайти в дом означало стать заложником. Ворота стальные и еще не закрылись, они могут прикрыть, на случай, если из дома начнут стрелять. Как бледен Сакурцев! Как цепко контролирует его коротышка, все время оставаясь позади хозя-

ина! Это же неестественное поведение. Зачем вообще идти открывать калитку вдвоем?

Нюня смотрел за происходящим через крохотную щель между плотными шторами, висевшими на кухне.

В его руке был зажат пистолет, но стрелять, случись что, он все равно не стал бы. Задеть своего в такой ситуации было проще простого.

– Покажи руки, – Воробок решил раскрыть карты и наставил на Егорыча пистолет. Он увидел, что мужик испугался, а затем обмяк.

Рыбак-пенсионер бросил взгляд на Сакурцева. Теперь они оба были в заложниках.

И не пытаясь геройствовать, Егорыч медленно вынул из рукава нож.

– Ты че, дед, охренел? – увидев остро отточенную сталь, бандит завелся. От осознания того, что, будь старикан порасторопнее, он мог бы пропороть ему горло, Воробок стал сам не свой. – Ну-ка брось его.

Нож выпал, звякнув лезвием о бетон дорожки.

– Молодец, теперь заходи в дом.

Увидев, насколько их предводитель расторопен, Нюня пришел в восторг. Ловко же ему удалось захомутать этого старикана, который, выходит, совсем не так прост, как могло показаться.

* * *

Искупавшись, они занялись любовью по второму кругу. Что может быть лучше на природе?

– Ты прелесть, – он целовал ее в спину, аккурат между лопаток, только этим доставляя немалое удовольствие. Его бедра равномерно двигались, время от времени содрогаясь, что приводило Дарью в восторг, граничащий с безумием.

Окружающий мир перестал для нее существовать. Главным было наслаждение, упоение чувствами. Жизнь была прекрасна. Так хорошо не было ей никогда. Легкие стоны, отражаясь от воды, разносились по всей протоке, возвещая о празднике молодости.

– ...Еще раз купаться и обратно, да? – он, шутя, чмокнул ее в нос.

– Ты что со мной сделал? – она рассмеялась, лежа на полотенце. – Мне даже шевелиться не хочется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.